

СЕРГЕЙ ШУВАЛОВ

НА ВЫСОТЕ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА

РАССКАЗЫ

Сергей Шувалов

На высоте птичьего полета

«Издательские решения»

Шувалов С.

На высоте птичьего полета / С. Шувалов — «Издательские решения»,

В сборник рассказов Сергея Шувалова «На высоте птичьего полета» вошли пять рассказов разных лет, дающих общее представление о творчестве читателя.

Содержание

Мальчики	6
Бюро желаний	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

На высоте птичьего полета
рассказы
Сергей Шувалов

© Сергей Шувалов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мальчики

Мальчики, их было трое, ходили вдоль песчаного обрыва над рекой и как будто что-то искали. Я стоял метрах в двухстах от них, в поле, которое начиналось сразу же от дороги, идущей вдоль обрыва. Я знал одного из них: он учился в классе годом старше. Его звали Генкой. Ему было четырнадцать лет, рослый, стройный, атлетически сложен. Он никогда не был один. Я видел, что в своей компании он пользуется большим авторитетом. Он даже за продуктами в магазин ходил не один и сумки не носил. Можете теперь представить, как его все уважали. Я мечтал, что когда-нибудь и я буду с ними, что мои одноклассники увидят меня с таким значительным человеком, и тогда я тоже приобрету авторитет.

Я стоял достаточно далеко и наблюдал за ними, скрытый высокой травой. И стоял я совсем не в полный рост, а полусогнувшись, опираясь руками о колени и смотрел сквозь листья полыни. Иногда они мешали и маячили перед глазами, поэтому мне было сложно наблюдать, но зато я-то уж точно был незаметен. Гена высокий, его отовсюду было видно, а двое других – маленькие, прижались к земле и ползали вокруг него, как червячки. Вдруг он остановился, присел на корточки и вытянул одну руку вперед, указывая на что-то. Остальные, как по команде, усталились в землю и стали по ней водить, шаркать ногами. Меня тем временем дома ждала мама, и уроки я совсем еще не делал, хотя и думал о них после школы. Но когда я пошел за Генкой к обрыву, все сразу же забылось.

Я подошел на такое близкое расстояние, что уже боялся быть замеченным, но так их голоса были слышнее:

- Сколько? – говорил один из них, похоже, не Генка.
- По пятаку.
- Согласен, – отрывисто ответил первый.
- Бросай давай... Вот отсюда.
- Пусть теперь он.

«Наверное, это Генка говорит, – подумал я. И голос у него авторитетный, как и должно быть. Вот если бы оказаться чем-нибудь полезным Генке...»

Я все больше и больше мечтал быть рядом с ним.

– Давай пятак, – услышал я от Генки. – А ты, Кулач, чего сидишь? Давай пятак и ты тоже...

– Перекурим? – предложил Гена через некоторое время.

Как хорошо было бы сейчас посидеть с ними на корточках прямо над обрывом, пуская кольца дыма по ветру, представил я себе. Но уже пора было домой. И есть очень хотелось. Супа. Мама с утра еще, перед школой, сказала, что приготовит. Я тихонько, пригибаясь, повернулся и пополз на коленях обратно к городу. Аккуратненько так, чтобы никто не заметил.

Дома съел целую кастрюлю супа – потом даже со стула встать не мог. Мама радовалась. Куда же после такого переедания уроки сразу делать! Пошел полежать и заснул. А снился мне Генка, я это точно запомнил, и играли мы с ним в его игру, а нас окружали друзья, как мои, так и его. За меня весь класс болел. И играли не на пятак, а на целых десять рублей! Тогда, во сне, я успел только подумать, что, если выиграю, все маме отдам – мне не жалко: пусть знает, какой у нее щедрый сын. Деньги, они всегда нужны, особенно нам. Уважать меня будет и относиться совсем по-другому. Советоваться. Во сне проиграть не страшно. И я проиграл. Это не страшно, если кому-то рассказываешь, что проиграл во сне, а вот пока не проснулся – страшно. И я этот страх испытал. Правда, и проснулся сразу же, уж больно испугался, даже лоб стал мокрым. Но как я обрадовался, когда понял, что это сон! Просто счастье, что ничего плохого на самом деле не произошло! Вот так я и подумал. И еще понял, что на большие деньги

точно играть не буду, даже если Гена меня принуждать станет. Проиграю ему немножечко – всё. Зато он меня в свои друзья, может, запишет.

На следующий день на первой перемене я уже искал его в толпе, даже не побежал в буфет. Гена высокий, его легко найти. Но я его так и не увидел. Интересно, где он? Я подошел поближе к его классу и, стоя у подоконника, сделал вид, что наблюдаю за первоклашками во дворе, а сам все искал его глазами. Но и в классе его не было. Может, он заболел? Хотя сложно было представить, что такие люди болеют. Сильные, выносливые, большие. Значит, прогуливает. Нехорошо. Разве такое может быть? Наверное, все-таки заболел.

Дни проходили, а Генки все не было. Но я был очень любопытный и упрямый. И вот однажды, как обычно, уже на первой перемене я осторожно заглянул в Генкин класс, но опять его не увидел. Я собрался было уйти, когда почувствовал, что кто-то сзади положил мне руку на плечо.

– Постой-ка... Кого ты тут ищешь?

Я обернулся, немного испугавшись, и увидел старшекласника: рыжий такой, весь в веснушках и с выражением подозрения на лице. Он, прищурившись, смотрел мне прямо в глаза.

– Я?... – испуганно начал я. – Гену ищу...

Сам не знаю, почему я признался. И мне еще страшнее стало.

– Гену? – повторил старшекласник, и на его лице появилась испуганная гримаса. – Ты что, с головой не дружишь, дурак? – чуть заикаясь, произнес он. – Зачем это?

Я не ответил, потому что прозвенел звонок, и я кинулся в свой класс и больше из него не выходил даже во время перемены.

Страх преследовал меня всю неделю. Мне казалось, теперь уже кто-то знает мою тайну, и это не пройдет для меня даром. Так и получилось. Я вышел гулять во двор и там заметил какого-то незнакомого парня, он стоял рядом с площадкой. Лицо у него было круглое, а глаза как у хомяка. Вид – суровый. Я страшно испугался, но все же направился к нему. Увидев это, он уверенным шагом тоже пошел в мою сторону. «Если не я сейчас, то потом он сам ко мне подойдет», – подумал я тогда. Коленки у меня задрожали, но я шел и пытался виду не подавать. Он приблизился ко мне и, прищурившись так же, как рыжий старшекласник, спросил:

– Ты зачем Гену искал?

– Хочу сыграть с вами. – Сам не знаю, почему я так ответил. Видно, осмелел в тот момент.

– А-ха-ха-ха! – рассмеялся он. Смех его был мне неприятен. Очень неприятен. Я посмотрел на него серьезно и ответил:

– А чего ты смеешься? Хочу играть, вот и возьмите меня как-нибудь!

– Ну ты дурак что ли? Кто ж тебя возьмет? – ответил он и опять неприятно рассмеялся. – Забудь, понял? И больше не ищи никого! – сказал он с угрозой в голосе и потряс кулаком перед моим лицом.

Я отшатнулся.

– А еще раз возникнешь – получишь по башке. Привет от Качана! – закончил он, быстро отошел в сторону и скрылся.

А я обрадовался.

«Слава богу! – подумал я про себя. – Пронесло. И не буду я больше возникать. Больно мне надо!» Сразу стало как-то спокойнее.

В тот день я сидел у окна и смотрел вдаль. Хотелось что-нибудь увидеть. Как-то раз, еще очень давно, я случайно услышал рассказ моего отца о каком-то фильме. Он смеялся, говоря о том, что фильм сам по себе никакой ценности не представляет, но случайно в камеру во время съемок попало НЛО – вот фильм и прославился. Я и подумал: если все время смотреть в окно на небо, то обязательно увидишь НЛО. Из окна мне всегда открывался один и тот же вид: недалеко от моего дома, вдоль поляны, за дорогой, шла одна тропинка, еле заметная, но я

точно знал, что она там есть и что можно по ней пройти, срезав путь, к оврагу. По тропинке особо никто и не ходил, потому что она не вела к чему-то нужному – она годилась разве что для прогулок. Вдруг мой взгляд упал вниз на четырех мальчиков, которые быстро шли по этой самой тропинке. В одном из них я сразу признал Генку, высокого, заметного отовсюду. Он шел небыстро, но крупными шагами. Другие трое всё время отставали и догоняли его почти бегом.

«Почему они не хотят со мной играть? – подумал я опять и принялся за уроки.

На улице вечерело, и за окном уже почти ничего не было видно, но я себе представлял, что они, мальчишки, во главе с Генкой все еще играют, а кто-то из них – да что тут гадать кто, конечно, Гена, – выиграл все деньги. А я вот тут сижу, делаю уроки, а денег-то у меня в кармане не прибавляется.

Я все думал и думал об этом, воображал всякое, и это отвлекало меня. А потом еще всю ночь не мог заснуть: представлял, что я выиграю у всех, и меня зауважают, да и денег будет куча. Я не знал, зачем это все нужно, но так часто бывает, когда мысли греют, и от них становится так приятно, что даже уснуть невозможно.

Я обычно не спешу домой после школы, хотя обычно очень хочется есть, а мама очень вкусно готовит, а потом ведь и уроки надо делать. Поэтому лучше без еды потерпеть, сколько можно. На следующий день, когда мы с ребятами во дворе играли в футбол, как-то незаметно ко мне подошел Качан, и этим сильно меня напугал. Я и просто так его уже боялся, а тогда совсем испугался.

– Давай отойдем. Хочешь сыграть, значит? – начал он и опять неприятно улыбнулся.

– Не знаю... – растерянно произнес я. – Ты же сказал, чтобы я забыл, вот я и забыл.

– Э-э-э... Ты мне тут поговори! С мысли не сбивай! – грубо ответил он.

Я на него еще раз посмотрел и подумал: какие у него вообще могут быть мысли? Наверняка, Генка послал и сказал, что говорить.

– Завтра приходи! Знаешь куда?

– Знаю, – ответил я честно.

– Откуда? – подозрительно спросил он. – Кто рассказал?

– Да никто не рассказывал, успокойся. Я сам вас видел однажды, уже не помню, когда.

– Ты что врешь? – оскалился Качан и схватил меня своей сильной рукой за воротник.

А потом еще сплюнул вбок, да так, что мне стало уже совсем неприятно.

Я схватил его кисть и сказал:

– Отпусти меня!

– А-а-а, испугался? – он опять мерзко засмеялся, рванул меня, демонстрируя свою силу, и только потом отпустил. Руки у него действительно оказались сильными. Я почувствовал это и поник, даже не найдя, что сказать, растерянно стоял перед ним и смотрел в землю.

– Деньги есть?

– Да.

Я уже понял, что придется отдать все, что есть.

– Сколько?

– Сорок копеек.

– Давай.

Я залез в маленький кармашек своей новенькой куртки и вытащил оттуда две монеты по двадцать копеек.

– Завтра еще рубль принесешь! Понял? – и он опять схватил меня рукой за воротник, на этот раз так, что чуть не поднял.

– Понял, понял... – совсем испугавшись, промямлил я. – Отпусти меня.

– То-то! – произнес он и снова сплюнул.

А я потом забежал за кусты, сел там, где меня никому не было видно, и заплакал. Плакал долго, пока все не выплакал. Вытер слезы и пошел домой.

Тяжело мне было, не по себе. Хоть и выплакал все, что мог (после этого всегда лучше становилось), но не в этот раз. На душе была какая-то странная тяжесть. Вроде и добился своего, хотел играть – и буду играть. Что такое? Я тогда еще подумал, что всегда всего боюсь, но хочу казаться храбрым. Помню, еще зимой мы играли в снежки, я нагнал одного парня, а он на гараж залез, я – за ним. Ему бы перепрыгнуть на другой гараж, потому что иначе я со всей силы кину снежок ему в голову (я давно за ним бегал). А он остановился, оглянулся, загородил рукой лицо и взглядом попросил не кидать. Я зачем-то крикнул ему: «Ну что, прыгай, трус, иначе получишь у меня!» И рассмеялся. А он так неуклюже сел на корточки и аккуратно, боясь оступиться, стал слезать с гаража. И вдруг показался мне таким жалким, таким беспомощным, что я выбросил снежок и крикнул ему вслед: «Эй, ты! Беги к своим – в следующий раз не пожалею!» А потом подумал: сам ведь я не боюсь прыгнуть. Ну-ка, позову всех, пусть все видят, какой я. Позвал ребят и говорю: «Вот, смотрите, сейчас перепрыгну на другой гараж». Все собрались, пальцем на меня показывают, не верят. Затихли. Ждут. Мне это было приятно. Я подошел к краю гаража и посмотрел вниз. Высоко. Смогу ли перепрыгнуть? И разгона нет. Тут я вдруг почувствовал, что не смогу. Мне стало страшно. А все ждут, смотрят... Я разогнался, зажмурился, но прыгнуть не получилось. Поскользнулся в последний момент и кубарем скатился в сугроб. Все смеялись до упаду. И я тоже вместе с ними, весь в снегу, радостный. Хорошо, что поскользнулся.

Вот и сейчас страшно. Сыграл бы сейчас, и всё. А так еще целые сутки ждать.

Следующий день не задался уже с утра. Я получил тройку по математике. Для меня это было очень обидно, но что поделаешь? Меня вызвали к доске решать задачу. Вот я и решал, а на меня весь класс смотрел, и учитель тоже. Ну что тут решишь?! Все мысли разбежались в голове по разным уголкам и притаились. Учитель сжалился надо мной и поставил три. Я сел за парту ужасно расстроенный. Посмотрел на доску еще раз и сразу понял, как надо решать. Но это было уже никому не интересно. А еще говорят, что жизнь справедливо устроена! Вот, пожалуйста: на перемене побежал в буфет за эклером, а там толпа ужасная, как всегда. Я вытащил всю мелочь из кармана, и давай толкаться, стараясь пролезть вглубь. Тут, неизвестно почему, я раскрыл ладонь, и вся мелочь просыпалась. Ну что там соберешь! Я выбрался и заплакал. Сколько можно? Тройку получил, голодный, да еще и двадцать копеек потерял.

Я вышел из школы. Настроение было плохое. И погода плохая. Я зашагал к пустырю у обрыва. На самом деле погода была не такая уж и плохая, просто мне казалось тогда, что будет что-то нехорошее. Ну, знаете, как иногда бывает? Думаешь, вот днем бы ничего, а вечером обязательно дома надо быть. Не хочется вечером оказаться на улице. Может что-то страшное случиться. Я тогда так думал. Шел и думал: надо быстро сыграть – и домой, чтобы вечером ничего не случилось.

Когда я пришел, Качан и Кулач стояли поодаль, и был еще кто-то, кого я не знал. Гена сидел боком и глядел в сторону реки.

– Пришел?

– Да, – ответил я.

– Деньги принес?

– Да.

– Молодец! – сказал Гена, посмотрел на меня и улыбнулся. – Качан, возьми у него деньги и распредели на пять конов.

Качан подошел ко мне и, злобно прищурившись, взял все, что было, и отнес Гене.

Калач стоял недалеко, сложив руки на груди, будто бы охранял нас.

Я играл с Геной и Качаном. Проиграл я все очень быстро. Даже не заметил, как. Азарт захватил меня всего. В последней игре мне показалось, что я их могу обыграть. Жаль, денег больше нет, а то бы уже начал выигрывать. Денег было не жалко совсем. Не знаю, почему

(вообще-то я всегда был прижимистым), а тут как-то не жалко, и все. Авторитет, может, у Генки такой, что вроде как если я ему эти деньги отдаю, то это важнее, чем сохранить их у себя.

– Эх, черт!.. Жаль, все слил! – сказал я Генке с волнением. Будто хотел от него услышать, что он жалеет меня хоть чуть-чуть, ну и раз все мое уже у него, может, заметит меня теперь и будет лучше относиться.

Но он сказал вдруг очень неожиданно:

– Еще хочешь сыграть?

– Да нет, – ответил я. – Денег нет, да и домой пора. Мама ждет.

– Ну ладно, спешить некуда, давай!

– Гена, не на что играть...

Тогда он наклонился ко мне и сказал очень загадочно:

– У меня к тебе предложение есть. Давай сыграем так. – Он вынул из кармана... не знаю, сколько. Я такие пачки видел только по телевизору, знаете, в шпионских фильмах, у дядей всяких с дипломатами, где такие пачки лежали.

– Вот тут 300 рублей. Выиграешь – твои. А проиграешь...

Я побагровел.

Откуда же у него такие деньги? Да и не важно, в общем. Мои мысли сразу переключились на вычисления, что я могу купить на такую сумму. И сколько бы я не думал, больше, чем на 50 рублей, у меня не получалось. А куда же девать еще 250? Тут я вдруг представил, что остальные деньги я отдам маме, и этим очень помогу ей. Возможно, она будет гордиться мной после вот такого поступка.

– И что тогда? – спросил я.

– Тогда... – Гена задумчиво прошелся рядом, не глядя на меня. А потом внезапно остановился метрах в пяти и сказал весело: – Тогда мы тебя повесим!

– Ребята, а вы что думаете? – обратился Гена к Качану и Кулачу.

– А-ха-ха! Повесим, повесим! Вот идея! Хорошая! – поддержал Гену Кулач, потирая руки.

– А как это? – улыбнулся я, ничего не понимая. – За руки что ли?

– Не-ет! – перебил меня Гена. – Вот за что! – Он резко взял себя за шею и так сильно сжал руки, что его лицо посинело, и вдобавок он еще язык высунул, чтобы изобразить мертвого.

Качан, Кулач и третий опять радостно засмеялись.

– Вот как, – повторил Гена, отпустив себя, и тоже рассмеялся.

Мне понравилось, как он это продемонстрировал: правдоподобно, но при этом смешно. И я тоже залился смехом вместе со всеми. «Вон как Генка придумал! – подумал я. – Быстро, удачно и смешно. Авторитет!»

Помню, в тот момент меня опять к нему потянуло.

– Согласен! – не задумываясь, ответил я и так засмеялся, что живот заболел.

А они давай заливаться вместе со мной.

– Ну что, играете? – задыхаясь от смеха, еле проговорил Калач.

– Да, играем, – ответил я, когда уже не стало сил смеяться.

Играли мы не спеша, и я метил очень тщательно. Гена сделал свой последний бросок и сравнял очки. От моего решающего броска зависела игра. Я посмотрел на камешек, лежащий в круге, плохо прорисованном палкой на земле, и даже как будто попытался взглядом приблизить его к себе, чтобы можно было дотянуться рукой. Зажмурил один глаз и плавно, не спеша, отвел правую руку. Мой камень оторвался от руки и полетел. Он летел очень точно, и мне казалось, что я подправлял его взглядом. Угодил он прямо в камешек, лежащий в круге, но немножко сбоку, так что тот завертелся, закрутился и пошел плясать внутри круга – того

и гляди выбежит из него. Вот он и остановился. Все подбежали так близко, что не видно было, вышел он из круга или остался внутри.

– Дайте и мне посмотреть! – крикнул я и налег сверху, заглядывая в центр круга.

– А-а-а, не вышел, не вышел! – закричал Качан. – Быть тебе повешенным! – радостно объявил он.

Я оторопел.

– Как, не вышел? Как такое может быть? – дрожащим голосом произнес я.

И вдруг почувствовал, что все как-то мигом перевернулось с ног на голову. Будто бы я перешел какую-то черту, за которую ранее никогда даже не заступал. Я оглянулся, посмотрел и увидел *то* мгновение, которое уже осталось в прошлом. «Вон оно, – подумал я, – уходит от меня безвозвратно...» Но нет, я догоню! Не хочу, чтобы случилось что-то страшное. Я рванулся, хотел было побежать за ним, но сильные руки Генки остановили меня.

– Куда? – полюбопытствовал он.

– Ну-ка, хватай его! – закричал Генка своим ребятам, и те набросились на меня, кто спереди, кто сзади.

Я только успел увидеть небо. Оно было каким-то странным, расколотым на рваные куски, с белыми пятнами. Там, за ними или где-то рядом, было солнце. Оно пробивалось сквозь эти куски, стараясь изо всех сил, но увидеть его было невозможно. А так хотелось.

Гена сильно надавил мне рукой на шею, придушив меня, а Калач с Кулачом взяли за руки сзади.

– Держи его, держи! – кричал Кулач. – Брыкалистый какой! – Слышал я, и с каждой секундой сопротивление мое слабело. Глаза закрылись от летевшей в них пыли, и я думал о том, что когда они откроются, все встанет на свои места. Да по-другому и быть не могло. Поэтому я даже боялся их открывать. А боли уже не чувствовал, только дышать было тяжело.

– Найди табуретку там, на свалке, и тащи ее сюда, времени мало! – быстро распорядился Генка, посмотрев на Калача.

– Ну что, успокоился? – спросил он меня.

– Да ... – ответил я чуть слышно. – Гена, дай подышать, пожалуйста, ослабь руку, – попросил я его.

Гена, ничего не отвечая на мою просьбу, убрал руку с шеи, но все равно продолжал держать меня за туловище, боясь, что я буду брыкаться. Но у меня уже совсем не было сил. Я приоткрыл глаза и увидел, как будто бы в окне за непрерывной стеной дождя тот самый камешек, который я так и не выбил. Я понял, что ничего не изменилось, и это не сон. И тогда мне стало все равно.

Наверное, в тот момент я сказал самую главную фразу в своей жизни – слова самоотверженного человека:

– Гена, если решили что-то делать, то делайте. Только, пожалуйста, не медлите. Я хочу, чтобы все было быстро. Не хочу мучиться.

И даже пощады не попросил. А Гена удивился. Я это почувствовал.

Обычно после таких порывов у людей обязательно возникает малюсенькая надежда. Вот и у меня было так же. Но я решил молчать. Мне мама как-то совсем недавно рассказывала, что душа у человека сама по себе тоже живая. А тело – это всего лишь оболочка. И когда человек умирает, душа покидает эту самую оболочку и вселяется в новую. Вот я и думал о том, что если со мной, то есть с моей оболочкой, что-то произойдет, то я ведь совсем не умру, я только покину свое тело, взлечу вверх, метров так на десять, а может, на пятнадцать и посмотрю на ребят сверху... А потом рассмеюсь и крикну им, что вот он я и что они со мной уже никогда ничего не смогут сделать. И полечу к себе домой прямо в окно. А что будет дальше, я не придумал. Все же эти мысли немного меня успокоили. Я так быстро и так правильно приготовился

к самому страшному для человека, что это совсем перестало быть страшным. Все сыграло свою роль... Но может быть, у меня так получилось вопреки, а не благодаря чему-то.

Кулач притащил старый стул с помойки и посадил меня на него. Я немного успокоился. Гена отошел от меня на несколько метров, посмотрел в сторону и сказал:

– Мы хотим вынести тебе справедливый приговор за твое поведение. Я насквозь тебя вижу и понимаю, что ты не достоин жить – в этом заключается справедливость.

– Почему? – спросил я.

– А вот потому, что ты трус. Но все время лезешь на рожон.

– Это как?

– Если ты не трус, то докажи это, а иначе сиди дома, как тысячи других, и не лезь, куда не следует. А ты дрянь порядочная. Мало того, что трус, так еще и выскочка. Решил в одночасье меня обыграть. А зачем ты вообще согласился играть со мной на таких условиях? Соображал, что делал? Ты думаешь, мы все тут шутим? Мы серьезные люди, между прочим, хоть еще и молодые. – Он вдруг резко обернулся в сторону Качана и спросил его повелительным тоном: – Разве мы ШУТИМ, Качан?

– Нет, хи-хи-хи! – опять неприятно захихикал Качан. – Совсем не шутим. Все серьезно, хи-хи-хи.

– Ну и что ты можешь сказать в свое оправдание? – обращаясь ко мне Гена.

Я что-то захлюпал, уже почти заплакал... И жалобным голосом пробормотал:

– Гена, прости меня, ты прав! Отпустите меня. Пожалуйста! – И тут я заревел навзрыд.

– Хи-хи-хи, он еще плачет, – бросил в мою сторону Качан.

– Да-да, – прибавил Гена, – тебе сейчас легко прощение-то просить. А нам нужно суд вершить. Чтобы все было справедливо.

– Я уже достаточно натерпелся, отпусти меня, – сказал я.

– Ну что же... Как большинство решит... – ответил Геннадий и, улыбнувшись, посмотрел на Качана, Кулача и еще одного парнишку, сидевшего поодаль.

– Итак, голосуем, отпустить его или нет.

Кулач с Качаном подняли руки за то, чтобы не отпускать. А мальчишка руки не поднял. Видно, растрогал я его. И тогда мне опять показалось, что появилась надежда... Я посмотрел на Гену так жалобно, как только мог. Я думал, что он будет все-таки на моей стороне. Но Гена был непреклонен и поднял руку.

– Ага, значит, не отпускаем! Ну, что же. Вот видишь? Все справедливо. Большинство решило так. Ребята, вы слышали, что он сказал? – пренебрежительно показывая на меня пальцем, продолжил Гена. – Слышали, что он признал свою вину и сказал, что я прав?

– Да! – в один голос отозвались Качан с Кулачом.

– В таком случае суд должен проявить снисхождение, учитывая чистосердечное признание. Какое в данном случае может быть снисхождение? Ну... отпустить мы тебя уже не можем, сам понимаешь, все зашло слишком далеко. Поэтому я предлагаю не тянуть с приговором и привести его в исполнение как можно быстрее, чтобы подсудимый не мучился. В этом-то и состоит наше милосердие, – закончил Гена и залился страшным хохотом. Качан и Кулач тоже рассмеялись, очень довольные тем, что их предводитель вынес справедливый, обоснованный, да еще и гуманный приговор.

Вдруг Гена перестал смеяться. Произошло это как-то совсем быстро, в одно мгновение. Он вытянулся, поднял руку вверх, лицо стало очень серьезным, и громогласно объявил:

– Повелеваю привести приговор в исполнение в течение пяти минут. Место казни – вон у того дерева. – И он показал на одинокую сосну, стоявшую посреди поля метрах в пятидесяти от нас.

Когда я был еще совсем маленьким, мы часто с мамой гуляли зимой в этих местах, и я тогда не понимал, почему эта сосна выросла одна посреди поля. Разве так бывает? Судьба

у нее действительно была незавидная. Она стояла одна, далеко от своих братьев-деревьев, обдуваемая холодными ветрами, запорошенная снегом и покрытая ледяной коркой. Да и люди наверняка никогда не оставляли ее в покое. Подойдет кто-нибудь к ней да и чиркнет ножичком «здесь были Коля и Петя»... А ведь это для нее рана. И пустит сосна слезу из раны, и засохнет та на стволе. Так и стоит она вся в слезах, качаясь из стороны в сторону много-много лет.

Меня подвели к дереву. «Понимал ли я хоть что-то в этот момент, – спрашиваю себя сейчас. – Нет. Наверное, уже ничего не понимал». Поставили стул. Он шатался, одна ножка была надломлена. Кто-то, или Кулач или Качан, быстро закинул веревку на один из толстых сучьев, отходивших от дерева почти параллельно земле на расстоянии метров двух, не больше. Меня поставили на стул и закинули веревку на шею. В тот момент сознание мое включилось. Я чувствовал, что веревка сильно давит мне на шею, и долго я так простоять не смогу. Тело забила неистовая дрожь, подбородок прижался к ключице, чтобы хоть как-то ослабить удушье, а рот тем временем жадно ловил последние глотки воздуха.

Кто-то выкрикнул:

– Ну все, хватит, снимай его, а то совсем задавим!

Стул подо мной закачался и я оступился... Сильные руки схватили меня за колени, обвив спасательным кругом.

– Держи его! Черт, у меня сил нет! – кричал кто-то.

– Калач, режь веревку, режь быстрее!

Я с размаху упал на землю. От удара меня подбросило вверх, только голова безжизненно болталась на обрезанной веревке, не отрываясь от земли.

– Режь быстрее, вот тут сзади шеи, где узел!

– Да освободи ты его!

Несколько секунд, и я, почти уже бездыханный, вздохнул полной грудью, наполнив каждую чуть живую клетку спасательным кислородом.

Дождь омыл меня. Я лежал у этого одинокого дерева еще долго. Не было сил плакать. Лежал и смотрел куда-то вдаль, туда, где я мог оказаться уже сейчас, но вот, я лежу на холодной сырой земле, меня тошнит, у меня страшно болит плечо, на которое я упал, и шея, стертая веревкой до кровавых ссадин. И я живой. «Живой!» – думал я и улыбался.

Мама спросила вечером, что у меня с шеей, почему у меня такой вид и дрожат руки. Я сказал, что все хорошо. Сказал и пошел спать.

Я ненавижу Гёну. Какие только планы не строил. Все перемешалось в моей голове. Мечь, злоба, желание наказать его. Все эти мысли мешали мне жить. Я думал только об этом, но ни на что не мог решиться. И вот однажды, когда страсти во мне чуть поутихли, но я все равно был озлоблен, я встретился с Гёной лицом к лицу у школьной раздевалки. Он неожиданно улыбнулся мне и сказал:

– А ты вовсе не трус, как я думал. Ошибался. Молодец. Никому не сказал. – Подошел и похлопал меня по плечу.

– А я никому и не собирался говорить, – отозвался я, обидевшись, что Гёна мог вообще такое предположить.

– Если тебя кто-то тронет в школе – скажи, – велел Гёна.

Мой страшный заклятый враг в одночасье стал моим защитником и покровителем? Такое бывает... Сразу полегчало. На душе стало спокойно и хорошо, будто добился, чего хотел. Но вопреки своему внутреннему желанию и неожиданно для себя, как будто это и не я вовсе, ответил ему:

– Не надо мне ничего. Сыграть хочу еще раз.

Гена отшатнулся. Впервые я увидел его испуганные глаза. Маленькие бегающие глаза, испуганные, как у ребенка. А я поймал этот момент и смотрел прямо на него. Мне было совсем не страшно.

– Сыграть... Хе-хе. Хе-хе. Можно и сыграть. Как в прошлый раз хочешь, хе-хе?

– На деньги сыграем. Большие. А еще друзей с собой приведу, чтобы ты все отдал, когда проиграешь.

– Никого ты не приведешь, понял? – озлобленно произнес Гена.

Я схватил его за воротник, что есть силы, нагнул его голову и произнес:

– Я тебе теперь всю жизнь сниться буду.

А потом еще сжал, как мог, его воротник и добавил:

– Вот так сниться, что ты когда-нибудь не проснешься. Умрешь от удушья...

Гена отпрянул от меня к окну. Лицо его перекошилось от страха, а тело как-то неестественно согнулось. А я еще ближе подошел и сказал:

– Мне тебя жаль.

Эта была моя последняя в жизни встреча с Генкой. Больше я его не видел.

Много лет прошло с тех пор. Гена, по слухам, спился. Кулач и Качан работают где-то на стройках. О себе говорить не буду. Живу, помню и стараюсь быть другим.

Бюро желаний

Мелкий снег бился в дверь и в окна, поблескивая в свете фонаря. Некоторые снежинки ухитрялись залетать в щель под входной дверью, и медленно таяли, оказавшись в помещении. Ветер проникал в замочные скважины, растворяясь в чуть нагретом после выходных воздухе прихожей. На вывеску налип снег, закрыв часть букв так, что с трудом можно было разобрать написанное.

Только очень внимательно присмотревшись, можно было прочитать: «Бюро желаний».

– Доброе утро! – сказал я Марине, повесив пальто на спинку стула. – Посетителей еще не было?

– Ни одного. – отозвалась она.

– Прекрасно. Значит, можно передохнуть.

Послышался шорох за дверью.

– Ну вот... – я сделал глубокий вдох – Мариночка, поставьте, пожалуйста, мне чаю, а я тем временем приму первого посетителя.

Неуверенно открыв дверь, посетитель вошел в комнату.

Опрятно одетый молодой человек лет двадцати восьми, курносый и бледнолицый, остановился посреди комнаты.

– Это здесь реализуются мои желания? – спросил он, улыбнувшись.

– Да, да. Вы попали именно сюда. Здесь. Только с одной оговоркой – на это все у вас только лишь один день, – ответил я. – Ну и, простите, в рамках разумного, конечно.

– Я присяду? – спросил молодой человек, подойдя к стулу, который стоял прямо напротив моего стола.

– Да, пожалуйста. С чего начнем?

– Я бы хотел проснуться на море...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.